ского брака. «Жизнь есть сон»,— жалуется Федерико, вкладывая в эти слова вполне посюстороннее, реальное сопоставление своих чувств с горячечным кошмаром. Понимание «жизни — сна» в драме Лопе противоположно кальдероновскому и проникнуто рационализмом. Подобно тому как Гамлет опасается, что призрак мог ввести его в заблуждение, и ищет более верной опоры, чем видение (Н, II, 2), так и Федерико, отвергая искушающее его безумное воображение («necia imaginación), видит в состоянии «жизнь — сон» нечто болезненное, что должно быть преодолено:

Bien dicen que nuestra vida
Es sueño, y que toda es sueño,
Pues que no solo dormidos,
Pero aun estando despiertos,
Cosas imagina un hombre
Que al más abrasado enfermo
Con frenesí, no pudieran
Llegar a su entendimiento (I, 14)[10].

Столь же противоположный логике барочных героев Кальдерона вывод делает Федерико из общей с ними исходной концепции, что воля и мысль человека свободны. Федерико чужда идея вины рождения. Пока мачеха смущает его лишь в помыслах, Федерико вообще отказывается признавать себя виновным, ибо мысль свободна и помыслы не поддаются контролю разума («Que culpa tengo, // Pues el pensamiento es libre?», I, 14).

В то же время Федерико трагичнее героев Кальдерона, уверенных, что власть воли над поступками может обеспечить праведность, каковы бы ни были помыслы. Лопе не принимал, считал заблуждением великую иллюзию барокко и классицизма о цельном положительном действии при разорванном сознании, имевшую свой героический аспект и порой рождавшую героизм, но остававшуюся в целом иллюзией.

Уже к началу второго акта Федерико понимает, что для него единственный выход — смерть, ибо горе его выходит за пределы возможного. Гений Лопе обнаруживается как в титаническом размахе, с которым он изображает душевное величие, интеллектуальность, способность к безжалостному самоанализу и стойкость Федерико, так и в достойной Сервантеса и Шекспира трезвости, с какой он показывает, что всех этих качеств индивидуума недостаточно, чтобы «вправить суставы» расшатанному веку. В сравнении с эпохальной трагедией Федерико, можно сказать, «испанского брата» Гамлета, отходит на второй план горестная история Кассандры, не говоря уж о плоских переживаниях герцога.

Злополучная страсть с необходимо заключенной в ней трагедией является для Федерико не столько причиной, сколько выражением его несчастья. Не из одной осторожности не может он рассказать Батину о постепенно осознаваемом им чувстве (Батин, как и Лукресия, служанка Кассандры, давно сам сообразил, что Федерико и Кассандра рождены друг для друга). Федерико на самом деле не может выразить то «невозможное» с ренессансной точки зрения универсальное зло, с которым он столкнулся и пределов которому он не видит («Si yo decirte pudiera // Mi mal,

---

[10] Да, правда, правда,
Что жизнь есть сон. Одна лишь греза!
О да! Иной не только что во сне —
Мечтает даже наяву о том,
Чего не может в голову прийти
И сумасшедшему в припадке крайнем
Его безумства!

(Здесь и ниже цитируется стилистически устаревший, но сравнительно точный перевод С. А. Юрьева (1876): Лопе де Вега. Собр. соч., т. I, СПб., 1913, стр. 67—68).